

ЕЛЕНА АРХИПОВА

Внеплановый ОТПУСК

ЛЕТО
ОТПУСК
ЛЮБОВЬ

18+

Елена Архипова

Внеплановый отпуск

«Автор»

2026

Архипова Е.

Внеплановый отпуск / Е. Архипова — «Автор», 2026

Когда в последний раз ты просыпался не от будильника, а от петухов? Алексей Соболев не помнил. Поэтому, когда инстамодель, полгода жившая на его кредитку, закатила скандал из за поездки в деревню, он просто взял и уехал. Взяв с собой только самое необходимое. Он планировал проветрить голову и через две недели вернуться обратно. Но кто ж знал, что в глухой деревне он встретит девушку, которая перевернёт всё с ног на голову? Рыжую, зелёноглазую и без капли косметики. Даша не носит стразы, не знает, что такое «инстастори», зато знает, каково это — верить мужчине и обжечься. Она уже слышала красивые обещания — и не собирается верить ещё раз. Алексей привык договариваться и получать своё. Но сможет ли он договориться с той, кто не продаётся, и с собственным сердцем, которое вдруг решило остаться там, где пахнет сеном и свободой? История о том, как сбежать от фальши — и найти настоящее. О том, что дом — это не стены, а человек. И о том, что иногда лучший отпуск — тот, который меняет всё.

© Архипова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Разрыв	5
Глава 2. Побег от успеха	9
Глава 3. Утро в деревне	13
Глава 4. Прогулка	15
Глава 5. Разговор по делу	18
Глава 6. Лавочка у магазина	20
Глава 7. Вечер у огня	23
Г	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Архипова

Внеплановый отпуск

Глава 1. Разрыв

Алексей сидел на диване, откинув голову на его высокую спинку.

Сегодня у него выдался очередной сложный день. Заказчики вдруг в момент подписания решили, что могут внести еще один пункт в договор.

Не могут. Ни эти, ни какие другие.

И Соболеву самому, лично, пришлось им это объяснять. Взрослые же люди, не первый год в бизнесе, а ведут себя как дети малые, ей богу!

Он был убедителен. И его услышали.

Правда, не сразу.

Голова гудела чугунным колоколом, и Алекс сначала хотел плеснуть восемнадцатилетнего янтаря в хрустальный стакан, так сказать, исключительно здоровья для, но в последний момент передумал.

Почему-то расхотелось. А вот нырнуть в речку, как когда-то в деревне у бабушки, чтоб с разбегу, снимая и разбрасывая вещи на бегу, наоборот, захотелось.

Он не был в деревне...

“А сколько же я там не был?” — задал сам себе вопрос.

И вспомнил, что он был там как раз после смерти старушки. Но это был не самый приятный визит. Похороны, суета, осень, дождь...

Бабушка, как оказалось, завещала ему свой дом.

Не своему сыну, отцу Алексея, а ему, единственному внуку.

Он ездил потом ещё раз, после вступления в наследство. Съездил, договорился с соседкой, чтобы та приглядывала за домом. Даже, помнится, разрешил его сдавать, если вдруг кому-то захочется пожить в глуши.

Интересно, в каком дом сейчас состоянии? Живет там кто-нибудь?

“Махнуть, что ли, в деревню?” — подумал, слушая фоном Викторию, которая именно сегодня как-то уж очень была болтлива.

Соболев сидел, массируя виски и смотрел на свою любовницу, которая в очередной раз листала на планшете фотографии курортов, планируя отпуск.

А он думал о том, что если всё-таки поедет, то, пожалуй, только джинсы возьмет с собой да пару-тройку футболок.

И обязательно пакет хорошего кофе и кофемолку. Помнится, у него был запас элитного, сам лично привозил. И он точно помнил, что где-то в шкафу на кухне должна быть кофемолка.

Потому что без модной сорочки он в деревне обойдется, а без чашки хорошего кофе — точно нет.

— Алекс, я же правильно понимаю, что мы можем отправиться в отпуск на следующей неделе? — вернул его в реальность голос женщины, сидящей напротив в кресле. — Как чувствовала, и буквально сегодня предупредила своих подписчиков, что скоро порадую их новыми фотками с океана.

Вика, как обычно, задала вопрос, и сама же на него и ответила.

Длинные наращенные ногти со стразами стучали по экрану планшета. Алексея этот звук начал раздражать примерно месяц тому назад.

— Алекс, смотри, какая вилла! — Вика, демонстрируя фото, развернула планшет к нему. — Прямо на берегу океана, с выходом на личный пляж. Представляешь, какие шикарные фотки там получатся? Мои подписчики просто взорвутся от восторгов!

Алексей посмотрел на экран, на нем была очередная роскошная вилла на очередном обезличенном, но зато очень дорогом курорте.

Сен-Тропе, Ибица, Мальдивы, Дубай — они все сливались в одну картинку. Дорого, пафосно и без души.

Правда, Вика так не считала. Она выкладывала фотографии на их фоне, набирая лайки.

Виктория Ларина, двадцать четыре года, модель, инста-звезда с миллионом подписчиков. Высокая, длинноногая блондинка с идеальными параметрами и абсолютно пустыми голубыми глазами.

Подтянутая в фитнес-зале фигура, ровный, без белых полосок, загар (спасибо солярию всё в том же фитнес-клубе), профессиональный макияж, брендовые шмотки, правильные позы, лучезарные улыбки и абсолютное отсутствие души.

Он встретил её на светском мероприятии полгода назад, она кокетничала, а он поддался минутной слабости. Потом были рестораны, клубы, его кредитка в её изящных руках и секс.

Много секса. В разных позах и местах, не всегда для этого предназначенных — комплексами профессиональная фотомодель не страдала.

Правда, вот секс тоже всегда был технически безупречный, но точно такой же холодный, словно она, занимаясь с ним сексом, смотрела на себя со стороны и решала — удачный ракурс и кадр или нет.

Словно Вика не занималась с ним любовью, а делала очередную фотосъемку.

— Вик, давай в этот раз поедem не на курорт, — неожиданно для самого себя Алексей озвучил свои мысли.

Виктория оторвалась от планшета, недоуменно на него посмотрела и моргнула несколько раз накладными ресницами:

— А куда? У тебя какая-то деловая поездка? — спросила, и сама же ответила: — Ну ладно, давай не на курорт. Пройдусь по бутикам. Куда едем? Милан или Париж?

— Нет. Ни то и ни другое. Я хочу поехать в деревню, не был там давно.

В комнате повисла звенящая тишина. Виктория смотрела на него так, словно он предложил провести отпуск в канализационном люке.

— Это какая-то шутка? — наконец медленно произнесла она.

— Нет. У меня там дом остался, от бабушки. Тишина, природа, никакой суеты. Хочу отдохнуть от всего этого, — он кивнул на планшет в руках красавицы.

— Деревня? — произнесла это слово как ругательство. — Алекс, ты в своём уме? Чтобы я — и в деревню?? Там же даже интернета нормального нет! Я уж молчу про грязь, коров и мух! Фу! — и Вика скривилась, представив всё то, что перечислила.

— Интернет сейчас есть везде. И, кстати, в деревне свежий воздух, по утрам петухи кукарекают, рядом с домом пруд с лебедями, и продукты без консервантов, с грядки. Захотел салатика, пошел сорвал и ешь сразу, — возразил ей Алексей.

— О боже, — Виктория закатила глаза. — У тебя что, кризис среднего возраста начался? Тебе же всего тридцать шесть. Рановато, вообще-то! — она усмехнулась и сменила тактику: — Лёш, ну хочешь, давай съездим на Лазурный берег. Там тоже уединение и покой. А потом, если хочешь, найдем каких-нибудь дизайнеров, они тебе в пентхаусе «эко-стиль» сделают. Поставят кадки с помидорами и огурцами, постелят на пол половики, настроят пение петухов — и будешь медитировать сколько влезет!

Алексей почувствовал, как внутри него что-то холодеет.

Он смотрел на эту красивую женщину, на ее безупречный макияж, дизайнерское платье, которое он купил на прошлой неделе, туфли за полторы сотни тысяч, и вдруг понял, что не чувствует к этой насквозь искусственной кукле абсолютно ничего.

Ни любви, ни привязанности, ни даже раздражения. Пу-сто-та.

— Ну дело твое, — сказал он спокойно. — Тогда я поеду один.

— Что? — Вика вскочила с дивана. — Ты меня сейчас бросаешь? Из-за какой-то деревни?!

— Я не бросаю. Просто мне нужно побыть одному. Подумать.

— О чём подумать?! — её голос взлетел до визга. — Я полгода терплю твои бесконечные совещания, жду тебя по ночам, улыбаюсь твоим деловым партнёрам на этих ваших скучных приёмах! Я вкладываюсь в эти отношения, а ты мне сейчас так спокойно говоришь, что тебе надо подумать?

— Вкладываешься? — Алексей усмехнулся. — Единственное, во что ты вкладывалась — это в бутики и салоны красоты. Причем, моими деньгами. Я не возражал, потому что считал и считаю, что за всё в нашем мире надо платить.

Девушка смотрела на него и тяжело дышала, и по её лицу было понятно, что сейчас рванет, но Алексею уже было всё равно. Раз уж он сам завёл этот разговор, то ему и заканчивать.

— Вика, давай честно. У нас нет отношений. Есть взаимовыгодное сотрудничество. Тебе был нужен богатый бойфренд для статуса и красивых фото, мне была нужна красивая спутница. Но, знаешь, как-то устал, надоело, не нужно больше.

— Не нужно? Устал? — лицо Виктории исказилось, она схватила планшет и швырнула его в стену над головой Алекса.

Дорогое устройство с треском разлетелось на части, осыпав его самого осколками.

Он успел среагировать и отклонить голову в сторону. Гаджет, врезавшись в стену, шлепнулся с ним рядом на диван, задев его плечо по касательной.

Алексей встал с дивана и стряхнул осколки с плеч. Замер, сложив руки на крепкой груди, глядя сверху вниз на красавицу, которая сейчас совсем такой не выглядела.

Сейчас девушка была похожа на собственную карикатуру, которую ей однажды кто-то из подписчиков выложил под её очередным постом.

Кстати, неизвестный художник очень точно изобразил инста-модель в гневе.

— Ты! Ты... — она задыхалась от ярости. — Думаешь, ты один такой? Да черта с два, Соболев! Ты думаешь, я не найду себе мужика, который ради меня будет готов на всё? Так вот будь уверен — найду! Богаче тебя, моложе и интереснее! Я с тобой была целых полгода только потому, что ты вроде как серьёзный и солидный мужик! А ты оказался очередным придурком!

— Возможно, — не стал спорить с девушкой Алексей. — Извини, что не оправдал твоих надежд.

Виктория, поняв, что скандала не получается, резко сменила тактику. Томно поднялась из своего кресла, походкой кошки подошла и положила руки ему на грудь. Потом посмотрела глаза в глаза своим особенным взглядом, от которого раньше он терял голову.

— Алекс, ну не сердись, — промурлыкала она. — Я просто устала, понимаешь? У меня сегодня были тяжелые съемки, визажист выбрала идиотскую помаду, потом оператор всё никак не мог поймать нужный ракурс, вот я и сорвалась. Прости. Хочешь в деревню? Давай поедem в деревню. Я даже резиновые сапоги куплю, розовые, со стразами. У кого-то из модных домов я видела такие. Будут бомбезные фотки! Я на фоне реки в розовом купальнике, что ещё ни разу не одевала, и розовые сапожки в тот же тон...

Алексей осторожно убрал её руки со своей груди, опустил вдоль тела и разжал пальцы.

— Вик, правильно говорить “надевала”. Это азы русского языка, надо знать такие вещи, особенно с учетом того, что ты общаешься с подписчиками. И нет, Вика. Всё. Мы расстаёмся.

Виктория отшатнулась от него как от огня, и на её лице появилось выражение, которое он ещё не видел.

Ярость.

Настоящая.

Такую бы она точно не смогла сыграть, это вам не красивая поза на камеру.

Она прищурилась и зашипела змеей, глядя ему в глаза:

— Ты пожалеешь, Соболев, это я тебе обещаю. Вспомнишь меня, когда будешь в своей деревне петухов слушать и грязные овощи с грядок жрать. Чтоб тебя понос пробрал с этих деликатесов! О, ты очень пожалеешь, когда поймешь, что потерял.

Она метнулась в спальню, и через пять минут оттуда послышалось хлопанье дверей гардероба и ванной комнаты.

По звукам Алексей понял — девушка собирает вещи. Он усмехнулся и в тишину комнаты проговорил едва слышно:

— Тогда уж не “что потерял”, а “кого”. Впрочем, это уже неважно.

Спустя полчаса дамочка вышла с двумя большими чемоданами фирмы Louis Vuitton. Он помнил, что она их покупала, поехав на распродажу в Милан, и покупала потому, что в её чемодан новые вещи не влезали.

Алексей не препятствовал тогда, не препятствовал и сейчас. Просто стоял, наблюдая.

— И кстати! — Виктория остановилась у двери в гостиную, откуда мужчина так и не вышел. Швырнула ему под ноги ключи от квартиры, выплюнув оскорбление: — В постели, Соболев, ты полный ноль со знаком минус! Я постоянно с тобой притворялась!

Дверь захлопнулась с такой силой, что задрожали стёкла в окнах.

Алексей никак не отреагировал на эти слова рассерженной фурии, которая не только в русском языке была слабовата, но и в математике. Он спокойно подошел к панорамному окну и посмотрел на ночную Москву.

Миллионы огней в окнах и бесконечная река из машин. Кто-то пускал фейерверки, у кого-то из соседей играла музыка. Этот город никогда не спал.

А ему остро захотелось тишины. Настоящей, деревенской, нарушаемой только пением птиц и стрекотом сверчков.

Он достал телефон и набрал номер личной секретарши.

— Марина Степановна, добрый вечер. Извините за поздний звонок. Отмените все мои встречи на ближайшую неделю, а лучше две. Я уезжаю. В отпуск. В деревню Кольцово.

В трубке повисло ошеломленное молчание, а потом раздалось осторожное:

— Алексей Юрьевич, у вас всё хорошо? Вы в порядке?

— Более чем, — он невольно улыбнулся, услышав эти слова. — Более чем, Марина Степановна. Исполняющим мои обязанности назначаю своего зама.

Глава 2. Побег от успеха

Алексей Соболев откинулся на кожаном сиденье своего BMW и прикрыл глаза. Он остановился на заправке, залить бензин и выпить кофе.

Вчера, после разговора с Викторией и своего звонка секретарше, он принял душ и уснул сном младенца.

Это было странно и необъяснимо. Он давно уже так легко и быстро не засыпал, а вчера вот раз — и провалился в сон.

Утром проснулся сам и до будильника — впрочем, это как раз не удивило. Он привык просыпаться рано.

“С первыми петухами”, как когда-то говорила его бабушка.

Алексей побрился, закинул привычный набор в косметичку и вышел в спальню. Быстро закинул в сумку несколько комплектов сменного белья.

Нашел на кухне две пачки элитного кофе, там же нашел кофемолку, сложил всё с собой.

И тут его взгляд упал на холодильник для вина. Постоял в задумчивости несколько секунд, разглядывая собственную коллекцию, и рука сама потянулась к одной из бутылок.

Он купил это вино примерно год тому назад на какой-то из выставок, поддавшись на избитый слоган “Для особенных моментов”. Вот у него сейчас точно особенный момент. Правда, не с тем контекстом, но тем не менее.

— Ладно, пусть будет, а там посмотрим, — решил, забирая и его.

И вот, спустя три часа езды по городу, он выехал на загородную трассу. И это он ещё успел проскочить до утренних пробок!

Москва, с её бесконечными встречами, контрактами на миллионы и женщинами, чьи имена он забывал уже на следующее утро, осталась позади.

В свои тридцать шесть он имел всё, о чём мечтал в двадцать: собственную строительную компанию, пентхаус в центре, счета в швейцарских банках. И абсолютную пустоту внутри.

Все эти искусственные улыбки персонала, коктейли с элитными закусками на фуршетах и такие же пустые разговоры ни о чем с такими же пресыщенными и уставшими от жизни людьми.

Нет. Хватит. Его ждет отпуск в деревне, куда он не приезжал много лет.

Он помнил старый деревянный дом с резными наличниками, пруд с лебедями, тишину, нарушаемую только пением птиц и комариным звоном.

Невольно улыбнулся, вспомнив комаров, висящих густым облаком по вечерам над головой. Настолько густым, что не спасали никакие антикомариные спреи.

Только веточка, которой надо беспрестанно размахивать, если не хочешь быть выпит этими вампирами досуха.

Глупо? Смешно? Может быть, но ему захотелось это все увидеть и пусть бы даже и почувствовать.

— Идиот! — ругнулся на себя. — Давно не чесался от комариных укусов? Тоже мне, романтику нашел.

Но по факту именно за всей этой деревенской романтикой он и направлялся сейчас, удивив не только секретаршу, но и самого себя.

Пока гнал по трассе, в голове то и дело всплывали картинки из детства, когда его на всё лето отправляли в деревню.

Он помнил и деда, тот ушел из жизни за год до того, как Алекс закончил школу. Бабушка пережила мужа всего на пять лет. Оба они ушли тихо, во сне, и, кстати, не такими уж и старыми...

Навигатор в машине показывал, что до цели Алексею оставалось проехать еще двадцать пять километров, и тут асфальт кончился, сменившись грунтовкой.

Вот просто резко раз, и всё. Был асфальт и кончился.

— Хорошо хоть знак, предупреждающий о снижении скорости, поставили! — Алексей усмехнулся, резко снижая скорость.

По факту в деревню он въехал с положенными сорок километров в час.

Деревня встретила его запахом свежескошенной травы, редкими прохожими и их удивленными взглядами вслед его машине.

Бабушкин дом стоял на отшибе, у самого пруда. Алексей проехал через всю деревню, попутно отмечая новые, вполне, кстати, дорогие дома, притормозил у своих ворот, вышел из машины и замер.

Дом бабушки выглядел точно так же, каким и был в его детских воспоминаниях — голубые резные наличники, покосившийся забор, палисадник, заросший ромашками.

— Ты смотри, Соболев вернулся! — раздался женский голос откуда-то сбоку.

Алексей обернулся и увидел пожилую женщину с ведрами на коромысле, которая вошла в соседнюю калитку. Он не узнал её, но вежливо кивнул.

— Дом-то совсем одичал без хозяина, — проворчала. — Меня Матрёна Ивановна зовут. Неужели не узнал, Алёша?

Стоило Алексею услышать имя женщины, и он тут же её вспомнил. Правда, жила она когда-то не в соседнем доме, а на другом конце села.

А Матрёна продолжила:

— Хорошо, что Даша иногда сюда заглядывает, окна открывает, проветривает. Вчера вот как раз заходила.

— Даша? — переспросил удивленно.

— Ну Ярославцева. Красавица из наших, из местных. Она тут через дом живёт, в старой усадьбе! — женщина кивнула куда-то в сторону и замолчала, разглядывая его дорогой костюм и часы.

— Почему Даша? — удивился. — Я же ключи тётке Клавдии оставлял.

— А так померла она лет уж десять как. Я в её дом переехала, приняла, так сказать, наследство. Вот Клавдия и сказала, что да как. Даша, когда в деревню-то вернулась, сначала пожила в твоём доме, ты ж вроде сам разрешал?

— Разрешал, — не стал отрицать.

— Ну вот! — обрадовалась женщина. — Её-то усадьба не очень для этого была приспособлена, а твоему дому всё пригляд. Это уж она потом, как свой подлатала что смогла, к себе переехала, а за твоим уж она так, в благодарность, присматривает.

— Ясно. Спасибо, — кивнул.

— К нам-то, небось, отдохнуть приехал от своей столичной жизни?

— Что-то вроде того, — не стал скрывать Алексей.

— Ну отдыхай, отдыхай, — согласилась его новая соседка. — Ключ помнишь, где искать?

— Помню, — улыбнулся и вошел наконец в калитку.

Прошел по тропинке через двор и протянул руку к перекладине над дверью.

Ключ нашелся на месте.

Алексей открыл дверь легко, вошел сначала в сени, чем-то, как обычно, заставленные, а уже из них в сам дом. Встал на пороге, сделал глубокий вдох и огляделся.

Внутри дом оказался чистым. Пахло точно так же, как он помнил — теплым деревом, какими-то травами и чем-то родным до пронзительного.

На столе в вазе стояли полевые цветы — явно свежие. Алексей прошел в спальню, подошёл к окну, и в окно, выходящее на другую сторону, увидел большой дом.

Он помнил и его. Там когда-то был сельский клуб с библиотекой в одном крыле и залом, где проходили все местные мероприятия, от собрания до танцев, с другой.

Это была настоящая усадьба — двухэтажная, с мезонином и резными перилами. В этом большом и богатом доме до революции жил местный не то купец, не то помещик с семьей.

Их, как это тогда было принято, “раскулачили” и отправили в Сибирь. Хорошо хоть разрешили своим ходом и двумя подводками. Бабушка рассказывала ему эту историю, когда Алексей был маленьким, жалела ту семью. Говорила, что они на самом деле всего лишь хорошо работали и грамотно вели хозяйство.

Теперь, когда Алексей сам занимается бизнесом почти круглосуточно семь дней в неделю, он понимает, о чем говорила его бабушка.

Что ж, выходит, у усадьбы вновь есть хозяйка.

— С какого хрена я сегодня в костюм-то влез, спрашивается? — обругал себя мысленно и пошел к машине за сумкой с вещами.

Занес вещи в дом, разобрал сумку, переоделся в джинсы и футболку — одежду, которую не надевал уже лет пять, — и вышел на крыльцо.

Вдохнул полной грудью и задержал дыхание.

Выдохнул медленно вкусный воздух и поднял лицо к небу. Вечерело.

Солнце окрашивало пруд в золотисто-розовые тона. По воде скользили лебеди, и Алексей поймал себя на мысли, что не помнит, когда вот так, никуда не спеша, смотрел на закат.

Именно в этот момент он её и увидел.

Девушка шла по тропинке вдоль пруда с ведром в руках. Рядом с ней трусила огромная немецкая овчарка. Бежала спокойно, без поводка и намордника. И ведь никого здесь это не пугало!

Длинные рыжие волосы девушки были убраны в хвост, но всё равно развевались на ветру, белое легкое платье было простым. Оно не облегало стройную фигуру девушки, но и не висело на ней балахоном.

Незнакомка двигалась так легко и грациозно, словно была частью этого пейзажа — золотого заката, спокойной воды, лебедей на пруду и даже стрекота кузнечиков.

Девушка, словно почувствовав его взгляд, подняла голову и встретила с ним глазами. Даже на расстоянии Алексей различил, что они у нее яркие и зеленые. Она же, встретившись с ним взглядом, совсем не смутилась. Улыбнулась, словно старому знакомому, и помахала ему рукой.

— Добрый вечер! Вы, наверное, и есть Алексей? — крикнула она. — Я Даша! Я жила в вашем доме два года. Теперь вот присматриваю за ним.

Голос у неё был чистый и звонкий.

“С таким бы голосом — да на сцену!” — подумал Алексей, спустился с крыльца и пошёл навстречу. Собака насторожилась, но девушка успокаивающе положила псу руку на холку.

— Не бойтесь, Рекс у меня добрый, хоть и выглядит устрашающе, — рассмеялась она, потрепала собаку, успокаивая. — Так что охранник из него никудышный.

Вблизи Даша оказалась ещё красивее. Точеные черты лица, чуть вздернутый нос, пухлые губы и ни грамма косметики. Веснушки на переносице и щеках лишь придавали ей шарма, как и удивительные, цвета молодой листвы, глаза с золотистыми искорками.

— Спасибо, что ухаживали за домом, — сказал Алексей, чувствуя, что смотрит на неё слишком пристально, но не может себя заставить отвести взгляда. — Я готов вам заплатить.

— Не нужно, — отмахнулась Даша. — Ваша бабушка была очень доброй, всегда меня угощала пирогами, когда я маленькая была. Это я по памяти, ну и в благодарность, что разрешили пожить в доме. — Она наклонила голову набок и спросила, глядя на него открыто: — Вы надолго к нам?

— Не знаю, — честно ответил Алексей. — Планирую на пару недель, а там как пойдет...

Он правда и сам не знал, что и как должно было пойти, чтобы он захотел тут остаться. Даша кивнула, словно понимая.

— Если что-то будет нужно — обращайтесь. Я вон там живу, — она кивнула на усадьбу. — Одна, если не считать Рекса, кур и двух коз. Хотите, я молоко парное принесу вам завтра? У меня как раз завтра будет лишнее. Одни дачники уехали, а другие ещё не заехали. Так что я могу...

— Хочу, — согласился словно под гипнозом, хоть и не помнил, когда он в последний раз пил парное молоко. — Я куплю. Вы же продаете, да?

Даша кивнула и посмотрела на него ещё раз, долгим, оценивающим взглядом, но больше ничего не сказала, погладила пса по загривку и пошла по тропинке дальше.

Алексей остался стоять у калитки и смотреть ей вслед, наблюдая, как белое платье колыхается при каждом шаге, как закатное солнце играет в рыжих волосах девушки и самым бессовестным образом делает её платье прозрачным, открывая прекрасную фигурку.

Этой ночью Соболев долго не мог уснуть. Лежал на старой железной кровати, слушал звуки деревенской ночи — стрекот сверчков, кваканье лягушек, шорох ветра в листьях — и думал о зеленых глазах и об удивительной красавице.

И странное дело, ведь она же тоже жила в этой деревне, но он абсолютно её не помнил. Почему?

Или всё-таки не жила?

“Надо будет завтра познакомиться с ней поближе”, — принял решение и наконец уснул.

Глава 3. Утро в деревне

Алексей проснулся от настойчивого петушиного крика и сначала даже не понял, где находится.

Сфокусировал взгляд на ковре с тремя богатырями, что висел на стене, и тут же всё вспомнил.

Точно! Он же в Кольцово!

В Москве он просыпался до будильника, хоть и заводил его всегда. А здесь даже не сам проснулся, с теми самыми петухами, как говорила бабушка, здесь природа сама решила, когда ему положено открыть глаза.

Он посмотрел на часы и удивился — было всего пять утра. Даже по его меркам очень рано. Странно, но он выспался.

Он встал, умылся во дворе колодезной водой, такой холодной, что захватило дух, вернулся в дом, сварил кофе и вышел на крыльцо с чашкой.

Туман стелился над прудом белой пеленой, сквозь которую проглядывали силуэты деревьев и кустов на берегу. Трава была в холодной утренней росе, воздух был свежим и чистым. И таким вкусным, что его хотелось вдыхать полной грудью.

— Доброе утро! — раздался знакомый голос.

Алексей обернулся и увидел Дашу. Она стояла у калитки с литровой стеклянной банкой в руках, в джинсовых шортах и в простой белой футболке.

Волосы собраны в небрежный пучок на затылке, но несколько прядей выбились и скрутились колечками на висках и шее.

— Обещала же молоко принести, — она прошла во двор, Рекс трусил за ней следом. — Правда, не думала, что вы так рано встаете. Городские обычно до обеда спят. Планировала молоко вам тут, на крыльце, оставить.

— Я неправильный городской.

Алексей принял из её рук банку с молоком, пальцы их на мгновение соприкоснулись, и Даша отдернула руку, словно от удара током. К своему удивлению, мужчина заметил, как щеки девушки тронул румянец.

— Кофе будете? — предложил, пытаясь спасти девушку от неловкости момента.

— У вас тут кофе есть? — удивилась она. — Я думала, совсем налегке приехали.

— Налегке, вы правы. Но и кофе, и кофемолку с собой привёз, — признался Алексей, легко улыбнувшись.

— Что, правда? И кофемолку?

— Да. Не могу утром без хорошего кофе. Это мой заряд бодрости.

Даша звонко и искренне рассмеялась:

— Ну вы даёте! А травяной чай на колодезной воде пробовали хоть раз? Вот где настоящий заряд бодрости с утра!

— Я видел там на кухне какие-то травы и заварник. Если хотите, могу заварить для вас, — предложил, хоть и понятия не имел, как правильно заваривать чай из трав.

Они стояли у крыльца. Рекс устроился у ног своей хозяйки. Даша почесала пса между ушей, и тот блаженно прикрыл глаза. Но настороженного взгляда с Алексея не спускал. Бдил.

— А вы умеете? — прищурилась хитро.

— Нет, — признался честно.

— Ну, значит, не надо, — рассмеялась легко. — Да и пила я уже утром чай. Так что спасибо, что предложили, но я откажусь.

Алексей смутился. Как теперь пить кофе, когда гостя ничего не пьёт? Однако Дарья словно прочитала его мысли:

— Алексей, всё нормально, правда. А вы пейте, а то ваш кофе совсем остынет.

Алексей сделал глоток и отставил кружку. Не лез ему напиток в одно горло.

— Даша, расскажите о себе, — попросил. — Как получилось, что такая... — он запнулся, подбирая правильное слово, чтобы оно не выглядело тупым подкатом, — такая красивая девушка живёт одна в деревне, да ещё и в таком огромном доме?

Даша усмехнулась, но в глазах мелькнула грусть.

— Длинная история. Усадьба эта когда-то моему прадеду принадлежала. Он был купцом, торговал лесом, потом революция, всё отобрали, семью раскулачили, их всех в Сибирь сослали. Вы наверняка слышали эту историю нашей семьи.

— Слышал, конечно, бабушка рассказывала, — не стал отпираться от очевидного. — Сложные были времена.

— Ну, значит, знаете, что было с домом моих предков, — улыбнулась грустно. — Дом превратили в контору какую-то, потом в клуб. А лет десять назад усадьбу вернули нашей семье — по реституции. Отец хотел её восстановить, но не успел. Умер от инфаркта.

— Извините, — тихо сказал Алексей.

— Ничего. Вы не знали, — Даша вздохнула и посмотрела на пруд. — Мать после его смерти в город уехала, к сестре, а я осталась. Знаете, притянуло меня это место. Отучилась на ветеринара. Работаю здесь, животных лечу, молоко вот летом дачникам продаю. И усадьбу потихоньку ремонтирую. Медленно, конечно, денег не хватает, но я уже многое сделала...

— Одной тяжело, наверное, — заметил Алексей.

— Бывает, — призналась и тут же поспешила добавить: — Но я справляюсь. Это дом моих предков, хочется придать ему былую мощь и красоту.

— Да, я вас понимаю, — кивнул. — Я вот тоже приехал сюда, посмотрел на это всё и вижу, что тоже есть чем заняться.

Девушка кивнула и спросила, глядя ему в глаза:

— А вы, Алексей? Расскажите о себе? Зачем успешному московскому бизнесмену — да, я знаю, кто вы, тут все всё про всех знают — зачем вам эта глушь?

Алексей задумался, а потом понял, что надо так же честно ответить.

— Устал. От людей, от суеты, от фальши. Там, в городе, все чего-то хотят. Денег, связей, контрактов. Пытаются что-то о тебе узнать, чтобы иметь против тебя козырь. Все куда-то бегут, фальшиво улыбаются, никто не смотрит тебе в глаза просто так. А вчера вот вдруг проснулся и понял, что устал. Захотелось вдруг сюда... Тут всё другое... Не знаю, настоящее, что ли...

Даша улыбнулась:

— Да, вы правы. Тут всё настоящее: и люди, и чувства, и проблемы. Она помолчала и вдруг, сверкнув хитрой улыбкой, добавила: — Хотя без сплетен тоже не обходится. Бабка Шура, например, та ещё сплетница. Так что не удивляйтесь потом, когда услышите про себя что-то такое, чего и сами не знали.

Они рассмеялись одновременно, и Алексей почувствовал, что в груди разливается тепло. И та пустота, что поселилась там вот уже несколько месяцев назад, не отступает, нет! Наполняется. Медленно, но верно.

И наполняется она не фальшивыми синтезаторами и заменителями чувств, а настоящим теплом, солнечным светом, запахами свежескошенной травы, криками петухов под окном, пусть бы и в пять утра.

Но самое главное, что ему хорошо рядом с этой улыбчивой девушкой с рыжими волосами и милыми веснушками на носу. Она тоже вся живая и настоящая, а он, признаться, уже и отвык от того, что такие настоящие девушки ещё бывают...

Глава 4. Прогулка

— Алексей, вы же давно тут не были. Хотите, пройдемся, и я покажу, где и что тут теперь? У нас тут многое изменилось. Устрою вам экскурсию под названием "Познай мой край", — предложила, улыбнувшись, Даша. — Если никуда не спешите, конечно.

— Ну я во внеплановом отпуске, мне спешить некуда, — улыбнулся в ответ. — С удовольствием пройду по деревне, последний раз тут пацаном на велике гонял.

Они гуляли по деревне, и Даша рассказывала не только о местных жителях, но и о самой деревне. Девушка, оказывается, хорошо знала историю родного края.

— Вот здесь раньше мельница работала, — Даша остановилась у полуразрушенного здания на берегу. — Мой прадед тут муку молот, потом зерно на продажу возил. А теперь вот... — она грустно повела рукой.

— Жаль, — согласился Алексей. — Красивое место, мы сюда с друзьями купаться приезжали.

— Красивое, — кивнула Даша. — Когда мне грустно и хочется уединения, я сюда прихожу, сижу, думаю. Тут тихо, только вода шумит.

Они прошли дальше, свернули на широкую улицу, где вперемешку стояли и старые дома, и новые коттеджи. Оказывается, вчера Соболев не все новые дома видел. На этой улице их было больше половины.

— Покажу вам новую часть деревни, — Даша кивнула в сторону кирпичных особняков за высокими заборами. — Тут лет восемь тому назад дачники начали скупать участки. Понастроили особняков, приезжают летом. Местные, конечно, ворчат, мол, понаехали городские. А по факту-то у местных работа появилась. Кто-то дома вон новые строит, кто-то огороды им возделывает, кто-то потом эти дома сторожит зимой, кто-то горничными у них работает.

— Даже так? — удивился искренне.

— Да! Представьте себе!! — кивнула подтверждающая. — Я уж молчу о том, что школу новую построили, детский сад, магазины вон новые, два кафе... Что ещё? Аптеку и даже ветеринарный пункт, и ведь везде люди работают.

— А старый магазин? Старый работает ещё? — забеспокоился, вспомнив. — Там такая непередаваемая атмосфера сельского магазина была. Ну в том смысле, что там продавалось всё и сразу — от трусов до свежего хлеба и гвоздей.

— Представляете, да! — рассмеялась. — Я тоже тот магазин люблю. Там своя атмосфера, особенная, и там пахнет...

— Пахнет хлебом! — договорили они одновременно и рассмеялись.

— Вот этот дом москвичам принадлежит, — она указала на особняк за кованой оградой. — Хорошие люди, кстати. На пенсии уже оба. Марья Ивановна заслуженный учитель, Петр Егорович, кажется, на заводе всю жизнь проработал. Молоко у меня покупают, творог, яйца. Всё собираются тут и зимой жить, да никак не могут решиться. Возраст всё-таки. А вдруг что? Дорогу нашу сами видели.

— О да! — Алексей усмехнулся жёстко. — Был асфальт и резко весь закончился.

Девушка покивала, и они пошли дальше.

— А этот, — она показала на дом с пафосными колоннами и львами у входа, — питерским принадлежит. Они сами по себе, ни с кем не общаются. Приезжают, машину загоняют и носа за ворота не кажут. За три дня от них ни слуху, ни духу. Ну так, дымком и шашлыком потянет, значит, живы. Видимо, просто не любят посторонних.

— Понимаю их, — усмехнулся Алексей. — Наверное, тоже от людей устали.

— Может быть, — согласилась Даша. — Но в деревне так не принято. Тут все друг друга знают, спросить могут в лоб о чем угодно. А они ни с кем... Живут как в городе — за забором.

— Но это их право.

— Да, все мы разные... — протянула задумчиво.

Пока они шли по селу, Алексей обратил внимание, что с Дашей то и дело кто-то здоровался. Его самого придиричиво, с головы до ног, осматривали, но вопросов не задавали, хотя интерес в глазах встречных читался.

Алексей уже хотел спросить, мол, не боится ли девушка сплетен, но не успел.

Навстречу им шла пожилая женщина с палочкой, в цветастом платье и с пакетом продуктов. Увидев их, остановилась, прищурилась.

— О, Дашенька, ты, что ли? — узнала наконец. — А это кто с тобой? Неужто жених из города пожаловал?

Даша покраснела до корней волос.

— Баба Шура, какой жених? Это Алексей Соболев, внук Анны Петровны. Приехал отдохнуть.

Старушка подошла ближе, откровенно разглядывая Алексея с ног до головы. Задержала взгляд на дорогих кроссовках, поднялась взглядом выше — джинсы, футболка, часы — ничего не осталось без её пристального внимания.

— Вона как! Внук Нюры, земля ей пухом, стало быть... При деньгах, смотрю, да? — констатировала женщина, обращаясь при этом непонятно к кому. — Это хорошо. Дашке-то как раз такой мужчина и нужен, а то она со своими козами совсем засиделась. Двадцать семь лет уже, замуж пора! — видимо, всё-таки к Алексею обращались.

— Баба Шура! — возмутилась Даша, но старушка только отмахнулась.

— Ты чего краснеешь-то? Правду говорю. Красивая девка, умная, хозяйственная, домина вон какой свой у неё. А всё одна да одна. Не дело это. А тут-то, у нас в деревне, кого ловить? Либо женатые, либо алкаши! Скажешь, нет? Колька вон сватался к тебе, так разве ж это мужик? Тьху! — бабуля сплюнула в пыль под ногами. — Недоразумение одно!

— Александра Григорьевна, — строго сказала Даша, — позвольте, я сама буду решать, за кого и когда мне замуж выходить! Вы меня сейчас позорите перед Алексеем. Человек только вчера приехал, а вы...

— А что я? — старушка прищурилась хитро. — Я ничего. Всю, как есть, правду сказала! Моя бабка с дедом на второй день после знакомства расписались. Мы с моим Митричем всего неделю до свадьбы гуляли, а прожили пятьдесят лет душа в душу. Так что не тяни, Дашка, не то упустишь. Таких женихов, — она выразительно посмотрела на Алексея, — днём с огнём не сыщешь.

Алексей еле сдерживал смех — не баб Шура, а сканер — Даша же была готова провалиться сквозь землю.

Девушка ухватила Соболева за руку и потащила дальше по улице. Едва они отошли несколько шагов от женщины, как Дарья проговорила, покраснев:

— Алексей, простите её. Баба Шура у нас такая... специфичная.

— Ничего страшного, — Алексей улыбнулся. — Даже забавно. В Москве такого точно не услышишь.

— Ну да, понимаю, — Даша выпустила его руку и нервно поправила выбившуюся прядь за ухо. — Там все занятые, бегут по своим делам. А тут не просто остановятся поболтать, а ещё и вон... сватают!

Девушка явно расстроилась и дальше шла молча.

— Думаете, что теперь вся деревня будет о нас с вами судачить? — высказал своё предположение.

— Да тут и думать нечего! — вздохнула. — Ладно, переживу, мне не привыкать.

— Да? — Алексей намеренно решил спровоцировать девушку. — Не в первый раз становитесь объектом сплетен?

— Ой! Я не в том смысле! — спохватилась, закрыла собственный рот ладошкой и покраснела ещё больше. — Обсуждали, да. Сначала — когда вернулась из города. Потом — когда мать уехала, а я одна осталась. Потом — когда сюда... — оборвала себя, не договорив, и привела другой пример, вспомнив на ходу: — Потом вот сватовство это дурацкое... А... Забудьте!

Дарья вздохнула и как-то обреченно махнула рукой.

— Даша, люди любят обсуждать жизнь других. Особенно когда те, другие, чем-то выделяются на их сером фоне. А вы, и я в этом уверен, точно выделяетесь.

— Спасибо, — кивнула коротко и двинулась дальше по улице.

Они шли, и Алексей краем глаза наблюдал, как девушка всё ещё смущена. Румянец на щеках не проходил, она кусала губу и старательно смотрела под ноги.

— Даша, — окликнул он.

— Да? — она подняла глаза.

— А вам действительно двадцать семь?

Она посмотрела на него настороженно.

— Да. А вам?

— Тридцать шесть.

— Солидный возраст, — протянула она с лёгкой насмешкой. — Самое время в деревню переезжать, на пенсию.

— Эй! — возмутился он. — Я ещё ого-го!

— Не сомневаюсь, — Даша улыбнулась, и в глазах красавицы мелькнули искорки, от которых у Алексея перехватило дыхание. — У наших местных охотниц вы определенно будете иметь успех.

— А у вас? У вас я имею успех? — не удержался, спросил.

Девушка, не ответив, резко свернула по дорожке влево и точно так же резко сменила тему:

— Узнаёте, куда я вас веду?

Алексей огляделся, но, к своему стыду, так и не понял, и тут они вышли на соседнюю улицу, к небольшому деревянному строению с вывеской «Продукты».

— Ну как? Изменился? — спросила, кивнув в сторону того самого старого магазина.

— Совсем нет! — выдохнул рассмеявшись. — А запах хлеба внутри всё тот же?

— Ну это вы мне скажете! — улыбнулась. — Пойдем внутрь?

Но внутрь они не успели войти, у Алексея зазвонил телефон, и высветилось имя его зама. Он досадливо поморщился, бросил, обращаясь к девушке:

— Это по работе. Даша, вы идите, а я поговорю и догоню вас.

Глава 5. Разговор по делу

Девушка легко кивнула и направилась к магазину, а Алексей раздраженно бросил в трубку:

— Серёга, если ты позвонил просто, чтобы узнать, точно ли я свалил в отпуск, то я тебя лично придушу, когда вернусь.

Друг, услышав это, расхохотался:

— О! Вижу, отпуск в деревне Зюзино обещает быть интересным, да, дружище? Уже подцепил девицу из местных? Скажи, кто она? Доярка или свинарка? Сто двадцать кило непаханного поля, девятый размер груди и море нерастроченной энергии?

— Я всегда знал, что тебе нравятся толстухи, но я-то здесь причем? — парировал Соболев.

Друг расхохотался.

— Серёг, ты чего звонишь-то? Случилось что? Инвесторы не хотят с тобой работать, им непременно нужен главный в моём лице?

— Да работаем мы. Всё у нас ОК. Что я, не могу позвонить другу и спросить, как он там, в деревне, обустроился? Может, привезти чего надо? Не знаю, икры там? Кофемашину? Генератор? — продолжал друг веселиться. — У тебя там свет-то хоть есть? Лёх, а туалет у тебя там какой? На улице, в конце огорода, домик, продуваемый всеми ветрами, типа “эм-жо”? — друг откровенно ржал.

— Зяма, я не понял, ты сейчас в гости так ко мне, что ли, напрашиваешься? — Соболев подозрительно прищурился, хоть друг этого и не мог видеть. — Так приезжай, организую тебе тур-де-русская-экзотика. Туалет, правда, нормальный, в доме, а вот душ на улице. Бодрящий, знаешь ли, мозги хорошо прочищает. Тебе бы тоже, кстати, не помешало. Ну так, для профилактики. Глядишь, и начнешь говорить сразу и по делу, а не ржать конём, транслируя мне свои фантазии. Если у тебя минутка юмора закончилась, то, может, уже скажешь, чего хотел?

— Да мне тут твоя Вика телефон оборвала, всё пытается узнать, есть ли у тебя кто-то. Не верит, что ты мог вот так в деревню, в глушь, в Саратов рвануть. Мне ей что отвечать?

— Ну скажи, что я в депрессу свалился и уехал перезагрузить свою нервную систему и обновить жизненные приоритеты. Она этого всё равно не поймёт, но от тебя отстанет. Если хочешь, можешь свозить её в ресторан, отужинать, успокоить. Я не возражаю. А тебе, чисто для понимания, скажу — мы с ней расстались. Она собрала вещи и ушла, а я сюда уехал. Тебя дёргает не иначе потому, что не всё собрала, что хотела. Надо будет кого-нибудь ко мне отправить, чтобы все её вещи собрали и ей отдали. А то ж она только два двадцатикилограммовых чемодана забрала.

— Даже та-а-ак, — друг удивленно присвистнул. — Так ты правда, что ли, там в депрессу?

— Серёг, ну ты-то чего как девочка? Могу я захотеть на родину предков съездить, дом проведать, в котором полжизни провел? Нет? Ты сам-то когда в последний раз был там, где детство своё голоное провел? Где на велике под рамой гонял, яблоки зеленые воровал, в речку с моста прыгал?

Сергей тоскливо вздохнул, и Алексей услышал, как скрипнула спинка кресла, на которую друг сейчас откинулся.

— Загоняем сами себя: контракты, дела. Всё куда-то лезем, что-то кому-то доказываем. А по факту свои гештальты закрываем. Скажешь, нет?

— Скажу “да”, — друг ответил, и Алексей был уверен, что Зимин сейчас развернулся лицом к панорамному окну в своем кабинете.

— И тут, кстати, вполне себе цивилизация, чтоб ты понимал. Народ вон косяками участки скупает, дома отстраивает. Кстати, Серег, пробей, кто тут у них губерром сидит. Надо будет помозговать, темка есть одна.

— Адрес свой точный скинь, пробью. Что за темка?

— Да вот думаю, может, замутить тут улицу с коттеджами, пока земля ещё не подскочила в цене? Места красивые, и от города не так далеко. Правда, с дорогой надо решать вопрос. А то она идет, идет, а потом хренак — и резко кончилась. Асфальт, в смысле. И ведь даже знак, падлы, поставили. Значит, давно уже у них это. Я последние двадцать пять километров чуть ли не столько же по времени тащился, сколько первые сто. Нет бы сделать всё путем и выдохнуть, а то у нас, как всегда, задумка хорошая, а исполнение через задницу.

— Ладно, ладно! Понял я! Чего завелся-то с полтычка? — друг хмыкнул. — Всё пробью, узнаю, тебе скину. С Викой тоже понял. Хорошо, что предупредил.

— Давай. Работаем, Серёг, и зарабатываем.

— Давай, до связи. Как будет инфа, скину всё тебе на мессенджер.

Сергей сбросил вызов, а Алексей развернулся и двинул в магазин, проверить, действительно ли там осталось всё, как ему помнилось из детства.

Но до магазина он так и не дошел. Был остановлен мужичками, сидящими перед входом на лавочке, которая стояла тут столько же, сколько Алексей себя помнил.

Глава 6. Лавочка у магазина

Алексей направился к магазину, но не успел подняться на крыльцо, как его окликнули грубоватым голосом:

— Эй, мужик! Погоди!

Соболев обернулся на грубый окрик. На лавочке перед входом сидели трое мужиков.

Один — лет пятидесяти, с залысинами и пузом, нависающим над ремнем. Второй — моложе, худой, жилистый, с папиросой в зубах. Третий — ровесник Алексея, плотный, коротко стриженный, с наглым взглядом.

У всех троих было по бутылке пива. И ведь утро же ещё, рабочий день недели. Впрочем, как известно, каждый сам волен выбирать, когда у него рабочий день, а когда время на пиво.

— Чё это за новые лица у нас в деревне? — продолжил толстяк, оценивающе глядя на Соболева. — Ты кто будешь?

Алексей усмехнулся про себя. Классика жанра, местные альфы решили пометить территорию.

— Соболев Алексей, — представился он спокойно. — Приехал отдохнуть. Дом тут у меня.

— Да что ты? — худой прищурился сквозь дым. — Это где ж у тебя дом?

— На Восточной.

— Ну да, ну да, — кивнул толстяк. — А ты, значит, из Москвы будешь?

Алексей удивился, что толстяк угадал, но кивнул:

— Из Москвы.

— Ясно, — третий мужик — коротко стриженный — откинулся на спинку лавки и скрестил руки на груди. — Городской, а чё это ты с нашей Дашкой гуляешь? А ты у нас разрешения спросил?

Вот оно. Алексей едва заметно усмехнулся.

— А ты ей кто, чтоб я у тебя разрешение спрашивал?

— Быкуешь, москвич? — худой затянулся сигаретой, посмотрел на Алексея сквозь дым и недобро усмехнулся. — Только вот мы тут за своими девками приглядываем, чтоб всякие проходимцы не цеплялись.

— Проходимцы? — Алексей поднял бровь. — А я, значит, похож на проходимца?

Мужики чуть стушевались. Городской их не боялся и не пытался заискивать, хотя численный перевес был на их стороне.

— Мы тут, знаешь ли, всех своих знаем. А вот ты кто таков — нет, — толстяк выпятил живот вперед. — Откуда нам знать, что у тебя на уме?

— На уме у меня дом привести в порядок, спокойно отдохнуть. Ну и, может, дорогу до деревни дотянуть нормальную, а не то, что сейчас там у вас, — Алексей говорил ровно, но в голосе появились стальные нотки. — А гуляю я с Дарьей потому, что она мне деревню показывает. Ещё вопросы есть?

— Ну-ну, — короткостриженный поднялся с лавки. — Не борзей, москвич. Тут не твоя Москва, тут свои порядки.

— Вижу я, что у вас за порядки, — Алексей окинул его насмешливым взглядом, намеренно задержавшись на бутылке с пивом. — И какие же порядки? Незнакомых людей на входе в магазин допрашивать?

— Мы не допрашиваем, — худой скривился. — Мы интересуемся. Дашка — девка хорошая. Мы за неё, можно сказать, отвечаем.

— Отвечаете? — Алексей усмехнулся. — А она в курсе, что вы за неё отвечаете? А то это всё больше на школу смахивает, класс восьмой, не старше. Период пубертата и выяснения, чей член больше.

— Слышь, ты, городской! — короткостриженный шагнул ближе, обдав Алексея запахом пива и застарелого пота. — Ты бы следил за базаром-то. А то мало ли что... Место незнакомое, темно вечером. Споткнуться можно.

Алексей расхохотался. Открыто, громко, с издёвкой.

— А я смотрю, мужики, у вас тут ничего не меняется? По вечерам всё так же не горят фонари и ни одного мента в округе? Угрожать мне вздумал? — он перестал смеяться так же резко, как начал, и шагнул навстречу мужику, сократив между ними расстояние до минимума. — Давай тогда сразу определимся, Ко-о-оля. Ты мне никто, чтоб я перед тобой отчитывался. Как никто ты и Дарье, насколько я слышал. Ну и так, на заметку, она взрослая женщина, сама решает, с кем ей гулять, а кого послать лесом.

Короткостриженный, услышав своё имя, удивился и внимательнее всмотрелся в лицо наглого москвича. Потом удивление на его лице сменилось неверием. Николай нахмурился, всматриваясь в Алексея:

— Лёха? Лёха Соболев? Ты, что ли? Да ну нахрен! Да быть этого не может!

— Ну, как видишь, может, — Алексей хмыкнул.

— Нет, ё-моё! — Николай растерянно почесал затылок. — Точно, Лёха... Чёрт, и правда ты. Живой! Я ж тебя не узнал совсем. А говорили, что ты вроде как погиб... Там... — он неопределенно мотнул головой, — в горах.

— Ну, как видишь, выжил, — Алексей холодно улыбнулся.

Худой и толстяк переглянулись.

— Так вы че, знакомы? — уточнил худой.

— Ну типа того, — буркнул Николай. — Давно было. Мы тут пацанами ещё в детстве вместе бегали. А потом он уехал. В Москву.

— Уехал, — согласился Алексей. — И вот приехал. И не ожидал, что меня тут будут встречать как вражеского шпиона.

Николай неловко дёрнул плечом.

— Да ты не кипишуй. Мы просто... Ну Дашка, она того... Не такая, как все наши... Ну сам же видишь. Её уже один козёл кидал, она потому и из города сюда уехала. Думали, может, ты того же поля ягода.

— Ясно, — Алексей коротко кивнул, но и вопросов уточняющих задавать не стал.

Николай хмыкнул и поскреб затылок.

— Лёх, ну ты того, не обижайся. Мы действительно за неё переживаем. Дашка — золото, а не баба. Ну, в общем, если ты её обидишь, то пеняй сам на себя.

— Понял, учту, — усмехнулся Алексей. — Но, думаю, мы с Дарьей сами разберемся, и обижать её в планах у меня точно не стоит. А вот то, что она не такая, как все — это я уже и сам понял. Но, думаю, баба Шура уже всей деревне растрезвонила, что мы с ней вместе. Встретили мы её тут вот с полчаса тому назад.

— У-у-у! — мужики засмеялись. — Всё, Лёх, ты попал!

— У неё рот, как радио. Услышала, увидела? и всё, через час вся деревня в курсе. Так что готовься, Лёха, теперь вы с Дашкой для всей деревни жених и невеста.

— Быстро тут у вас сплетни разлетаются, — Соболев качнул головой, — быстрее, чем в интернете. Приехал отдохнуть, называется.

— Ну а чё ты хотел? — толстяк ухмыльнулся. — Деревня есть деревня. Тут все всё про всех знают. Пукнешь — через час вся улица в курсе.

— Понял. Буду иметь в виду, где пукать. — Мужики заржали одновременно, а Алексей повернулся к магазину. — Ладно, мужики, пойду я.

— Слушай, Лёх, — остановил его Николай. — Может, вечером махнём по пивку? Посидим, поболтаем. Про жизнь, про дела. Молодость вспомним, стариков наших помянем. Моя-то бабка через год после твоей померла. А, Вадик, Серёга? Чё думаете? — он обернулся к товарищам.

— Не против, — худой, видимо, он и был Серёга, кивнул.

— Угу, — согласился и толстяк Вадик.

Но Алексей отбрил:

— Не, мужики, не в этот раз. Да и не пью я пиво.

И Алексей, не дожидаясь ответа мужиков, поднялся на крыльцо, толкнул дверь магазина, сделал глубокий вдох и улыбнулся — вот оно! Запах хлеба никуда не делся...

Он прикрыл глаза, вдыхая аромат, и на секунду ему показалось, что он снова мальчишка, которого бабушка отправила за молоком.

— Алексей! — окликнула его Даша. — Ну как? Оно?

Он открыл глаза и улыбнулся девушке.

— Оно.

— Говорила же, — улыбнулась она в ответ. — Вот разве что продавец тут другой. Пока вас не было, я тут уже выяснила это. Зинаида Федоровна уже рассказала, кто тут до неё работал.

— Лёшка! Соболев! Ты, что ли? — услышали они удивленный возглас продавщицы. — Это ж ты? Ну ты глянь, какой вымахал-то, а? А всё на наших яблоках зеленых! Помню, помню! Отец рассказывал, как гонял вас, обормотов! У самих ведь такие же росли, а они в наш сад лезли! — пояснила она Даше и рассмеялась, глядя на Соболева.

— Ну да, было дело, — Алексей смутился и потер затылок. — Это уж как водится...

Глава 7. Вечер у огня

Остаток дня Алексей провёл в попытках привести в порядок дом, а начинать надо было с разбора хлама в сених.

Он решил сначала вынести всё на улицу, а уже потом решать, что со всем этим “богатством” делать. Может быть, кому из местных будет что-то нужно.

В сених оказались вёдра, бидоны, кадки для засолки разных размеров и неожиданно березовые веники. Если утварью явно бабушка пользовалась, то вот веники были нарезаны и высушены еще дедом — баню старик уважал.

Но сейчас это уже были не веники, а сухие палки с осыпающейся листвой. Через четыре часа всё было вынесено во двор, сами сени были выметены и даже вымыты.

Алексей устал сел на скамейку под окном и блаженно привалился к стене — он реально устал.

— Да-а-а-а... дед бы меня засмеял... — констатировал очевидный факт.

Физический труд — это совсем не те нагрузки в спортзале, к которым привыкло его тело.

Фитнес по-деревенски утомлял, но приятно. И да, это совсем не та же самая усталость, как от бесконечных совещаний и переговоров.

Уставший, но довольный, помылся в летнем душе, где вода нагрелась за день на солнце до приятно-освежающей.

Вытерся тут же, на улице, благо, тут когда-то дедом было всё грамотно устроено и скрыто от соседских глаз, и с наслаждением потянулся.

Непривычные к такому труду мышцы отозвались приятной усталостью.

— Кому рассказать — засмеют! — хмыкнул в очередной раз сам над собой.

В доме переоделся в чистое и отправился к Даше, прихватив с собой бутылку вина “для особенных моментов”.

Они расстались с ней всего лишь полдня тому назад, но он уже соскучился по девушке. Она его не приглашала на ужин, но Алексею почему-то казалось, что она будет рада его видеть.

Ну или ему очень хотелось на это надеяться.

В лучах заходящего солнца усадьба выглядела ещё более впечатляюще. Двухэтажный дом с мезонином, резные балконы, большие окна.

Видно было, что Даша действительно старается его восстановить — где-то была видна свежая краска, где-то заменены доски, но работы ещё оставался непочатый край.

Во дворе трещал костёр, над которым на треноге висел чугунный котелок, а Даша стояла рядом, помешивая что-то длинной ложкой.

Она переделалась в длинное платье тёмно-зелёного цвета, которое подчеркивало цвет глаз. Волосы распущены, падают волнами на плечи.

— Вы вовремя! — обрадовалась девушка, увидев Алексея. — Как раз картошка готова.

— А почему на костре? У вас нет газа в доме?

— Есть, но сегодня у меня было такое настроение, — пожала плечом. — Да и потом, вы разве не знаете, что на костре еда вкуснее?

Соболев рассмеялся:

— Есть такое дело.

— А это что? — Дарья кивнула на бутылку в его руках.

— "Совиньон блан", — Алексей протянул вино. — Надеюсь, вы не против?

— Я-то не против. Иногда под хорошую компанию и еду даже полезно. Только я вас сейчас разочарую, сказав, что в винах не разбираюсь, совсем, — призналась Даша. — У нас тут больше самогон в почёте. Дед Василий гонит — огонь просто!

— Неужели ещё жив, курилка? — Алексей искренне удивился, услышав имя старика. — Сколько ж ему лет-то уже? Когда я ещё ребенком был, он уже был стариком.

— Много, — Даша улыбнулась и вздохнула грустно. — Он молодцом, но сдает уже. Один он остался. Жена умерла, дети не приезжают.

Девушка помешала в котле, зачерпнув ложкой, подула, вытянув губы трубочкой, и аккуратно попробовала. Спустя секунду одобрительно кивнула и подняла на Алексея глаза.

А он смотрел, следил жадно за её мимикой и откровенно кайфовал. Вот же она — живая вся, настоящая. Нет ни красивых поз, ни красивых жестов.

— Готовы пробовать мою стряпню? — спросила, хитро сверкнув зеленью глаз, что сейчас как будто стала ещё ярче.

— Уверен, что это будет самое вкусное, что я ел за последние несколько лет! — ответил словно под гипнозом.

— Тогда присаживайтесь! — кивнула на простой стол и скамейки рядом с ним.

На столе уже стояли две пустые тарелки, две кружки и тарелка с хлебом, нарезанным толстыми кусками. Когда-то бабушка резала хлеб вот так же — щедро.

Соболев, увидев, что накрыто на двоих, удивился:

— Даша, вы кого-то ждали?

— Нет. Вас хотела пригласить на ужин, — призналась честно.

— А я сам пришел, — Алексей облегченно рассмеялся.

Да, облегченно. Уж себе-то он мог уже не врать.

Тянуло его к рыжей зеленоглазой колдунье. Живой, смешливой и при этом такой настоящей.

И сейчас, когда увидел стол, накрытый на двоих, ёкнуло что-то в груди, напряглось всё от осознания того, что ведь у Даши может быть кто-то.

И не важно, из местных или нет, просто такие девушки не бывают одни. А то, что деревня с подачи баб Шуры может быть не в курсе этого, так это ни о чем не говорит.

Он расположился на скамейке, поставил бутылку и повернулся к костру. Даша разлила по тарелкам густую похлебку из картошки, грибов и овощей, передала ему одну тарелку, потом вторую.

— Ой, забыла! — подорвалась за чем-то в дом, вернулась быстро с двумя другими тарелками, на которых лежали соленые огурцы и помидоры.

Простая еда, но пахла она так аппетитно, что у Алексея потекли слюнки.

— Угощайтесь, не стесняйтесь, — пригласила, махнув на стол.

Алексей открыл вино, разлил в простые стаканы с какими-то смешными рисунками и протянул один хозяйке, сидевшей напротив него.

— За что выпьем? — посмотрела на него девушка.

— За настоящее, — предложил, глядя ей в глаза.

— За настоящее? — эхом отозвалась она. — Что ж, давайте за настоящее.

Они поднесли стаканы, чокнулись, и Дарья, прежде чем сделать глоток, понюхала вино. Потом всё-таки решилась, сделала пару глотков, и на её лице застыло удивление.

Алексей всё это видел, потому что опять самым бессовестным образом наблюдал за зеленоглазой чаровницей.

Он тоже сделал пару глотков, чтобы понять, что же ее так удивило.

Вино было прохладным, освежающим, с яркой кислинкой, привкусом яблок и, кажется, крыжовника.

И да, оно было совсем легким.

— Вкусно, — вынесла вердикт Дарья и кивнула на тарелку с едой: — Угощайтесь.

Алексея не пришлось приглашать дважды, он сегодня, признаться, и забыл про еду.

Зачерпнул ложкой кусочек картошки с наваристым бульоном и грибами и отправил в рот. Еда была с дымком и ароматом лесных грибов.

Алексей и не помнил, когда ел что-то настолько вкусное, хотя бывал в лучших ресторанах мира.

— Даша, это очень вкусно, — пришла его очередь ловить на своем лице внимательный взгляд девушки.

Она, казалось, расслабилась, получив его похвалу, и принялась есть.

Наконец, когда Алексей, умяв две порции картошки, налил им ещё вина, Дарья попросила:

— Алексей, расскажите о своей жизни. О настоящей, не из интернета и журналов.

Алексей усмехнулся.

— Читали обо мне?

— Гуглила, — призналась она без тени смущения. — Любопытно же, кто сосед.

— И что узнали?

— Что вы очень успешный, очень богатый, и у вас роман с какой-то известной блогершей. Фамилию я не запомнила, не слежу я за этими блогерами.

— Ну у нас с Викторией это не было романом, — покачал головой Алексей. — Это было... я даже не знаю, как назвать. Взаимовыгодное сотрудничество? Ей нужна была известность, мне — красивая спутница на приёмах. Ну и вам, опережая новости, сообщаю — больше и этого нет. Как раз вот накануне и закончилось всё.

— Печально, — тихо сказала Даша.

— Что именно?

— Что у вас не было настоящего, — она посмотрела на огонь. — Мне кажется, без любви жизнь пустая. Как бы ни был красив фантик.

— А у вас была? Любовь? — Алексей не знал, почему задал этот вопрос, но очень хотел услышать ответ.

Даша помолчала.

— Была. Лет пять назад. Большая, светлая и на всю жизнь, как я думала, — девушка улыбнулась чуть грустно, покатала шарик из салфетки по столу. — С Игорем мы учились вместе в институте, в Москве. Красивый, умный, целеустремленный. Мы планировали пожениться и открыть свою клинику. Там, в столице. А потом всё как-то закрутилось... Умер папа, мать отказалась здесь жить. Она ведь не из местных. Они с папой познакомились, когда он в армии служил. Привез её сюда после службы, да вот мама так и не стала здесь своей. Её так все и считали городской, представляете?

Алексей молча кивнул, мол, да, представляет.

— Мама после смерти отца хотела продать усадьбу, но я была против. Как продать семейное родовое наследие?

— Правы, никак, — согласился кивнув.

— Вот! Вы понимаете! — обрадовалась. — А я приехала сюда на похороны папы и поняла, что не хочу, не могу уехать. Меня здесь не было несколько лет. Училась, летом подрабатывала. Мама даже рада была, что я не приезжаю в деревню. Она радовалась, что я в городе решила осесть. Всё уверяла меня, что и отец вот-вот согласится.

Даша резко замолчала и подняла лицо к небу, усыпанному звёздами. Алексей молчал, давай возможность девушке успокоиться.

— Это уж я потом узнала, что не хотел папа уезжать. Радовался, что усадьбу нашей семье вернули. Ремонтировал сам, что мог — он ведь хорошим плотником у меня был, — сказала с гордостью. — Каждую заработанную копейку в ремонт усадьбы вкладывал. Мама злилась на него за это, ругались они из-за этого много. Это мне вот как раз Матрёна Ивановна потом и рассказала. Я после похорон папы ушла из дома, в доме вашей бабушки вот жила пару лет.

Дарья замолчала, а Алексей всё понял без слов. Дотянулся до руки девушки, которая вновь катала шарик из салфетки, взял её кисть в свою, сжал легонько, показывая свою поддержку.

Дарья не стала сопротивляться, кивнула едва заметно и продолжила рассказ:

— Игорь тоже приезжал со мной на похороны, но ему здесь не понравилось. Совсем. А я не могла уехать. Сказала об этом Игорю, а он заявил, мол, деревенская жена ему не нужна, — Дарья грустно улыбнулась и подняла на Алексея глаза. — А я ведь и есть деревенская. Думала, смогу прижиться в Москве, замуж выйду, будет своя клиника, детки... Знаете, мне всё чаще кажется, а может, оно и к лучшему, что так всё получилось. Тут я на своем месте, поняла, кто есть кто.

— Однозначно к лучшему. И знаете, местные вас считают своей, деревенской. Маму вашу не приняли, а вас да, — Алексей погладил тонкое запястье Дарьи большим пальцем.

Получилось очень интимно. Девушка вздрогнула, но руку не забрала, отвела взгляд на пламя костра и сидела, молчала.

— Он идиот, — сказал просто. — Оставить такую женщину, как вы — это огромная ошибка. Я уверен, что он уже не один раз пожалел об этом.

Даша подняла на него глаза, которые в мерцании костра казались почти золотыми. Между ними повисло электрическое, почти осязаемое, напряжение.

— Алексей... — начала она, но он не дал договорить.

Порывисто встал, обошел стол в два шага и сел на скамейку рядом с девушкой. Обхватил её лицо двумя руками и поцеловал.

Медленно, осторожно, давая возможность отстраниться. Но Даша не отстранилась. Её губы, сначала робко, потом всё смелее, ответили на поцелуй.

Её рука легла ему на грудь, затем скользнула на шею, пальцы зарылись в волосы.

Алексей притянул её ближе, углубляя поцелуй. Она была тёплой, мягкой, настоящей. Её губы пахли вином и какими-то сладкими ягодами, а вся она сама и её волосы — летом и луговыми травами.

Он чувствовал, как бешено колотится её сердце. Или это его собственное билось так неистово?

Даша первой прервала поцелуй, отстранившись, но не далеко — их лица всё ещё были в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Алексей, это неправильно, — прошептала она, но глаза говорили совсем другое.

— Почему? — Алексей провёл большим пальцем по её нижней губе.

— Потому что мы знакомы всего два дня. Потому что потом вы уедете. Через неделю, через месяц — неважно. А я останусь. И мне будет больно.

— А если я не уеду?

— Не говорите того, чего не знаете наверняка, — Даша резко отстранилась и поднялась со скамейки, быстро собрала со стола посуду. — Спасибо за вечер, но вам пора. Мне завтра рано вставать, извините, что выгоняю.

Она скрылась в доме, оставив Алексея одного у костра. Рекс, которого не было видно весь вечер, подошёл и положил морду ему на колено, словно сочувствуя.

Алексей машинально погладил пса, благодаря за поддержку. Посидел ещё какое-то время, глядя на угасающий огонь и думая о том, что впервые за много лет не знает, чего хочет.

Вернее, знает, что хочет быть рядом с рыжеволосой девушкой с зелеными глазами.

Но как совместить это его желание с жизнью в Москве, с бизнесом, с тем миром, частью которого он был, и с Дашей?

Поднялся со скамейки и пошел в сторону дома. На душе скребли кошки, ноги не шли в пустой дом от той, которая притянула, привязала его к себе за неполных два дня так крепко, как не удавалось еще ни одной до неё.

А в голове уже билась мысль, становясь всё более и более уверенной — надо переносить бизнес сюда.

И словно в подтверждение этого, стоило только Алексею переступить порог своего дома, на телефон прилетело сообщение от друга: “Есть инфа на местного губера. Работаем!”

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.